

сто словъ—фейерверкъ сверкающей импровизаціи, герои котораго ни на минуту не перестаютъ играть театрѣ, стараются переживатьъ на манеръ чеховскихъ героевъ. Стихи, которые могли бы помѣщать 'естественности' переживанія, умѣютъ прочитывать такъ 'мастерски', что отъ ритма и рима не остается и слѣда! Діалогъ ведется на среднемъ 'бытовомъ' регистрѣ, а движенія актеровъ во всѣхъ постановкахъ повторяютъ пластику... провинціальнаго чиновника.

Минуты, когда театръ достигаетъ иллюзіи полной 'реальности' происходящаго—моменты величайшаго униженія театра: онъ будто чувствуетъ свое художественное безсиліе, неспособность справиться съ жизнью въ творчески-театральномъ преобразеніи жизни и осторожно выходитъ изъ своего трагическаго положенія, укрываясь за механическимъ изображеніемъ ея. прибѣгая къ нехудожественнымъ ассоціаціямъ и волненіямъ, которыя будитъ въ насъ драматизмъ иного жизненнаго положенія.

Такой методъ есть въ своемъ родѣ 'передвижничество'. Не драматическое преобразование жизни въ театръ является средствомъ воздѣйствія на чувство и волю зрителя, а драматичность самаго сюжета: смерти Пазухина, оскорбленной любви и гордости Чацкаго, любовныхъ страданій кавалера ди Риппафратта...

Художникъ играетъ въ этомъ обманѣ роль пособника-укрывателя. Отвлекая зрителя отъ самой драмы декорацией, выпирающей на авансцену и въ зрительный залъ, онъ помогаетъ скрыть пустоту сцены, то, что драмы, 'театра', собственно говоря, и нѣтъ.

Художественный театръ держится не на театральномъ талантѣ своихъ руководителей, а на ихъ добросовѣстности, культурности, умѣ. То, что онъ даетъ въ своихъ постановкахъ, есть не театральное искусство, а 'преодоленная бездарность', умное рѣшеніе вопроса, какъ безъ настоящаго драматическаго творчества (безъ 'театра') создать иллюзію настоящаго театра. Конечно, эта культурность, добросовѣстность во всѣхъ мелочахъ есть достиженіе весьма почтенное; однако, въ театрѣ

приходишь ради театра, а не ради музея, и съ минуты, когда глазъ насытился неподвижною прелестью декораций, мебели и костюмовъ, начинаешь испытывать жажду драматическихъ (динамическихъ) эмоцій, обманутую съ перваго же акта, и въ столь 'художественно-ночь' русскомъ театрѣ становится нестерпимо скучно...

Выставка въ галереѣ Лемерсье

Въ галереѣ Лемерсье состоялась выставка картинъ въ пользу бельгійцевъ, отличающаяся, не въ примѣръ большинству 'благотворительныхъ' выставокъ этого сезона, превосходнымъ подборомъ произведеній. Цѣлая зала была отведена рисункамъ, акварелямъ и портретамъ Сомова, въ большинствѣ извѣстнымъ публикѣ. Ноаковскій прислалъ серію рисунковъ 'На Руси', въ которыхъ мастерски, нѣсколькими штрихами, передана своеобразная, 'растрепанная' красота деревянной Руси. П. Кузнецовъ выставилъ рядъ восточныхъ мотивовъ въ глубокихъ фіолетово-синихъ тонахъ. Востокъ Кузнецова взять безъ яркаго сарьяновскаго солища, а углубленный въ себя, мистически созерцательный. Кустодіевъ выставилъ эскизы декораций и костюмовъ къ 'Смерти Пазухина'; И. Е. Рѣпинъ представилъ единственную картину, 'Король бельгійцевъ Альбертъ I', — очень слабой, попавшей, видно, на бельгійскую выставку отнюдь не за художественныя достоинства. Шухаевъ прислалъ нѣсколько рисунковъ и свой автопортретъ (сангиной), воспроизведенный въ 'Аполло́нѣ'.

Н. Гончарова выставила эскизы къ 'Золотому Пѣтушку' (Парижская постановка) и къ 'Вѣру' Гольдони (въ московскомъ Камерномъ театрѣ). Эскизы эти интересны смѣлыми красочными созвучіями, но не какъ театральная живопись, со спеціальными требованіями которой художница совѣмъ не считается. Пряничный гротескъ Додонова царства и феерическая, чуть таинственная сказочность Шемаханскаго взяты безо всякаго контраста, оба—въ духѣ лубка; подѣ лубочнаго 'гузара' изображены и итальянскіе кавалеры Гольдони. Подобно большинству современныхъ 'примитивистовъ',

Гончарова подходит одинаково ко всякому живописному заданію, будь то икона или гротескъ, декорація, костюмъ или орнаментъ. Религіозная живопись Гончаровой (Житіе св. Іоанна и шесть иллюстрацій къ Евангелію) даетъ примѣръ такого чисто вышнлаго, формальнаго подхода къ задачамъ примитивизма. Несмотря на очевидный талантъ художницы, а можетъ быть даже искренность, ея религіозныя картины производятъ впечатлѣніе непріятнаго жеманства.

Н. К. Рерихъ представленъ 'Градомъ обреченнымъ', С. Судейкинъ — двумя фантастически-красочными работами. Холсты Машкова, очень 'сдержанные', показываютъ, что художникъ уже перекинулъ и отбросилъ крайности своихъ увлеченій. Сочныя и глубокія краски его этюдовъ и natures mortes совершенно убиваютъ помѣщенный рядомъ съ ними громадный 'Портретъ Е. П. Носовой' А. Головина, въ строгой, нѣсколько сухой манерѣ. Интересны три акварели Н. Калмакова—фантастическая экзотика, схваченная съ болѣзненной остротой и чувственностью современнаго двѣтцоваго ощущенія.

Общее впечатлѣніе отъ выставки—обиліе красочныхъ дисонапсовъ и пристрастіе къ разрѣшенію ихъ въ повышенныхъ, острыхъ красочныхъ тональностяхъ.

Скульптура представлена единственнымъ произведеніемъ Копенкова, жепской фигурой изъ слегка подкрашеннаго дерева, которое придаетъ тѣлу особую теплоту и трепетную жизненность, недостижимую никакимъ другимъ матеріаломъ. Въ 'Фигурѣ изъ дерева' интересны контрастъ двѣтственной чистоты тѣла и острой чувственности лица и сомнѣніе античной строгости основныхъ пластическихъ линій съ ультра-современной нервною и острой изгибовъ бедра, спины и сплетенныхъ надъ головой рукъ.

Выставка имѣла большой художественный и матеріальный успѣхъ.

З. Ашкинази.

НОВЫЯ КНИГИ

,150 лѣтъ Никольско-Бахметевскаго хрустальнаго завода князя А. Д. Оболенскаго'. Историческій очеркъ. Спб. 1914.

Превосходно изданный (тип. 'Сиріусъ') очеркъ выпущенъ въ свѣтъ въ ознаменованіе столѣтїа со дня постройки одного изъ старѣйшихъ русскихъ хрустальныхъ заводовъ—Никольско-Бахметевскаго. Однако, Комитетъ създа стеклозаводчиковъ, издавшій данный очеркъ, не ограничился только 'юбилейнымъ' изданіемъ и расширилъ значеніе своей книги до изслѣдованія всего вообще развитія стекольнаго дѣла въ Россіи. Слѣдуетъ указать, что—если не считать вышедшей въ 1856 году книги А. Чугунова 'Изслѣдованіе стекловареннаго производства', гдѣ есть небольшая историческая справка,—единственная болѣе или менѣе дѣльная статья по исторіи стеклодѣланія въ Россіи имѣлась въ Вѣдомостяхъ С.-Петербургскаго Градоначальства, въ № 127 за 1874 г. и въ № 148 за 1873 г. Такимъ образомъ, разбираемое нами изданіе заключаетъ въ себѣ опытъ разработки матеріаловъ, почти нетронутыхъ.

Очеркъ въ главной своей части распадается на два самостоятельныхъ отдѣла—исторію Бахметевскаго завода и исторію развитія стеклодѣланія въ Россіи.

Но особенно важной представляется намъ вторая часть книги, гдѣ даны въ извлеченіяхъ обширные матеріалы по исторіи названной промышленности. Такое широкое использование Комитетомъ създа Стеклозаводчиковъ юбилея Бахметевскаго хрустальнаго завода дѣлаетъ данное изданіе важнымъ вкладомъ въ литературу по исторіи русской художественной промышленности.

Книга иллюстрирована интересно подобранной исторической серіей хрустальныхъ чашъ и бокаловъ (21 табл.), взятой изъ Бахметевскаго заводскаго музея образцовъ.

Вс. Дм.